

© 2005 Х.И. Тугуз
УДК 327.32(=915.6)(=946.122)
ББК 66.5 (2Рос)
Т 81

Осетино-ингушский конфликт: проблема территорий

Аннотация:

Рассматривается основная причина осетино-ингушского межэтнического конфликта, дошедшего до кровавого кровопролития 31 октября – 1 и 2 ноября 1992 года, в основе которого лежит извечный территориальный вопрос, подогреваемый и осложняемый при трех политических режимах: при царизме, при Советской власти и в современной Российской Федерации. Два братских народа долго идут к его преодолению, но сложно и трудно, из-за противоположных концепций и подходов.

Ключевые слова:

Царизм и его земельная политика. Разрешение земельного вопроса при Советской власти. Тотальная антиконституционная депортация ингушей в 1944 г. Передача Пригородного района и другой территории ингушей осетинам и их не возвращение после реабилитации ингушей. Кровавые конфликты на этой почве. Необходимость совместной жизни, как при Советской власти. Толерантность. Межэтническая вражда. Территориальная проблема. Официальные границы.

История Ингушетии полна трагедиями территориальных потерь. Еще в 1769 году, находясь в зависимости от Кабарды, ингуши желали принять подданство России. Царизм в свою очередь вел политику разжигания этнической вражды между вайнахами: чеченцами и ингушами, чтобы ослабить их силы и легче управлять ими. В 1786 году была утверждена постоянная милиция. 23 августа 1810 г. комендант крепости Владикавказ заключил с ингушами соглашение о защите военно-грузинской дороги и войсковых частей, а во время военных действий заручился вызывать тысяча человек «вспомогательного войска». Предлагалась ингушам переселиться в крепость Владикавказ, «около которой к стороне Балты место удобнее и хорошее в хлебопашестве».

В 1816 г. Наместником Кавказа назначается генерал А.П. Ермолов, который начал с усиления на Сунже Назрановского редута и устройства крепости Грозный, чтобы усилить наступление против Чечни. Кавказская война разгоралась. Ингушетия была в основном завоевана царизмом ко времени Назрановского восстания 23 мая 1858 г. Оно было вызвано антинародной политикой бесконечных переселений аулов с одного места на другое с целью создания крупных сел, с количеством не менее 300 дворов, чтобы легче было администрации усмирять их. Восстание было подавлено применением артиллерии и всех видов оружия того времени. Была учинена жестокая расправа с ингушами. Началось полное заселение казаками территории ингушей и чеченцев. На месте аулов образовались: Ахти-Юрт – Сунженская (1859 г.), Ангушт – Тарская, Ильдио Гала – Карабулакская, Альхасте – Фельдмаршальская (1860 г.), Ах-Борзе – Ассиновская (1861 г.), Таузен-Юрт – Воронцово-Дашковская... Часть ингушей, жившая в этих аулах, вымерли от голода, холода и болезней во время переселения, часть нашла приют у горцев и назрановцев, часть же переселилась в Турцию. В основе колонизации лежали политические соображения – устройство клина, который разъединил бы постоянную опору власти на местах...И запертые в горах, ингуши

оказались обреченными на тяжелое нищенское существование» (См. Г. К. Мартиросиан. История Ингуши. Ингушское национальное издательство «Сердало». Орджоникидзе. 1933, с. 76).

Таким образом, окончательное покорение русским царизмом ингушей еще больше осложнило для них территориальные проблемы. Начавшееся поземельное устройство ингушского народа по вине царской администрации закладывало историческую мину замедленного действия по отношению к казак-захватчикам, именуемыми переселенцами, и к соседним горским народам.

Следует особо подчеркнуть, если наместник Кавказа кн. Воронцов обещал горцам: «Религия ваша, шарият, адат, земля ваша... Российские войска будут защищать вас от врагов, начальство будет заботиться о благоденствии вашем», то сменивший его кн. Барятинский не только был более сдержанным в обещаниях, наоборот, он продолжал очищение горских земель для новых казачьих станиц и хуторов. Казачья колонизация повлекла за собой тяжелые последствия: чтобы создать более благоприятные условия для стотысячного казачьего населения, командующий войсками Терской области предложил решить вопрос путем переселения в Турцию ингушей и других горцев.

В результате переговоров с Турецким правительством было получено согласие на переселение ингушей. Как пишет Ах. Цаликов в книге «Кавказ и Поволжье» (1913 г.): «Переселенцы несколькими партиями отправились через Закавказье в Турцию. Повторилась та же история, что с черкесами, – не было приготовлено ничего для переселенцев. Земли, отведенные им, оказались никуда негодными песками и камнем. Испытывая страшные бедствия, чеченцы повернули обратно к русской границе. Они изъявили полную покорность, соглашались нести воинскую повинность. Некоторые предлагали даже принять православие, лишь бы позволили вернуться к родным пепелищам. Но чеченцев прогнали от границы выстрелами. Мало того, по требованию русского правительства, турки

отправили против чеченцев войска, которые ружейным и артиллерийским огнем прогнали их на отведенные им места жительства.

Положение чеченцев на новых местах было таково, что они вымирали массами: многие же тайком переходили русскую границу и пробирались обратно на родину. За этими беглыми была устроена правильная охота: их перехватывали на пути и считали долгом отправить в Турцию и не многие удаивались милости остаться на Кавказе. Из 22.000 слишком чеченцев-переселенцев через каких-нибудь 5-6 лет осталось только десять, остальные вымерли».

Политика русского царизма по отношению к вынужденным переселенцам в Турцию была однозначно категоричной. Так, когда представители 15 аулов Назрановского общества Ингушетии обратились к главнокомандующему на Кавказе о возвращении из Турции 76 дворов, то 4 июля 1870 г. получили ответ: «Виды правительства относительно переселенцев Ингушского округа не изменились и в настоящее время, изволил в просьбе названного общества отказать».

Таким образом, территориально земельная вакханалия, устроенная русским царизмом в Чечено-Ингушетии и на всем Северном Кавказе имела тяжелые последствия для подвергшихся геноциду народов. Захватническая, антинародная для горцев, политика царизма закладывала в то время такие противоречия в общественной жизни в многонациональной стране, которые бумерангом впоследствии стали отзываться для пришедшего русского населения, ставшего жертвенной опорой для колонизаторской верхушки.

В конце XIX – начале XX вв. в Ингушетии проблема выживания этноса вплотную столкнула их с русскими и осетинами, при этом, русские находились под зонтом царской администрации, а осетин и ингушей провоцировали на межнациональные драки. Обычный колонизаторский прием. Так, 23 мая 1906 г. у села Яндырка произошло столкновение с казаками. Повод: мирный яндырец поехал нанимать рабочих и в станице Троицкой на него напали казаки и убили его. Когда родственники отправились за телом покойного, то произошла перестрелка. Тогда казаки Троицкой, Карабулакской, Михайловской, Семашкинской, Ассиновской, Нестероской и Фельдмаршальской станиц, пользуясь случаем, напали на аул Яндырка. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся два дня. Находясь в отчаянном положении, ингуши обратились к властям. Но вместо разъединения сторон, пришедшие из Владикавказа и Сунженского отдела войска действовали под влиянием атамана Сунженского отдела ген. Суворецкого, предлагавшего: «Согнуть в бараний рог горцев» и начали громить аул. От ружейно-пулеметного огня погибло 7 человек, многие были тяжело ранены. Дети, женщины, старики разбежались в соседние леса.

Ингуши обратились в 1 Государственную Думу с просьбой: «Такое отношение власти убедило окончательно нас, ингушей, что нас хотя и истребить вконец. И, вот, видя картину истребления целого племени, испокон веков жившего на родных пепелищах, мы обратили наши взоры к Государственной Думе, к этому фокусу русской народности, и с тяжелым гнетом в груди и горячей любовью в устах молим: защити нас, не дай погибнуть маленькому народу, живущему тысячелетия в этих ущельях... Мы умоляем сделать запрос кому следует и

назначить немедленно следствие по этому делу...» (См. Стенографический отчет Государственной Думы. Сессия 1-я. Цит. По кн.: Г. К. Мартиросиан. Ук. Соч., с. 137). Запрос этот был принят Думой, но без последствий. Обсуждения не состоялось. Имперская колонизаторская национальная политика другого подхода не допускала.

Другой пример. Столкновения селения Базоркино (ингуши) и Ольгинское (осетины) 23 мая 1907 года. Как сообщали «Герские ведомости» (1907, №114) столкновению предшествовали следующие события. Соседи ингуш и осетин повздорили, у убитого ингуша было отрезано ухо. Ингуши потребовали очень большой выкуп, но осетины отвергли. «Утром же 23 мая ингуши и осетины вновь поссорились между собою из-за скота, зашедшие на осетинские посева. После этого случая на базоркинской мельнице, принадлежавшей Таиб-Хаджи Тангиеву, было совершено убийство его сына, как говорят, ружейным выстрелом, произведенным со стороны осетин. При таких условиях становилось, уже совсем трудным, определить – «кто прав и кто виноват»... Это бытовое столкновение носило сугубо этническую окраску и спровоцировано было с определенной целью. Оно было следствием провокации администрации, провокаторы которой внушали базоркинцам отомстить ольгинцам за глумление над трупом.

Нападение ингушей на Ольгинское было отбито с участием русских воинских подразделений, вооруженных пулеметами и артиллерией, вышедшей из Владикавказа и Беслана. В итоге до 30 человек было убитыми и ранеными с обеих сторон. Было сожжено 10 домов. В этой бездумной схватке проиграли и ингуши, и осетины, выигрывал другой.

Чтобы прояснить природу межнациональных столкновений того периода стоит послушать протест, с которым выступил в Государственной Думе депутат Эльдарханов: «**Я имею сведения о том, как один из нижних чинов области говорил напутственное слово ингушской черной сотне, как будто она шла против турок. Я думаю, что русский народ, по крайней мере, сознательная часть его не перенесет вину нескольких негодяев среди горцев на весь чеченский, ингушский и осетинский народы. Это было бы равносильно тому, если бы за черную сотню и за погромщиков стал отвечать весь русский народ**» (Заседание Госдумы от 23 июля 1906 г. Стен. отчет. 1-я сессия, с. 694). На этом сложном этнополитическом фоне осетино-ингушский конфликт все более разгорался. Он станет, к сожалению, на почве территориальных взаимных притязаний, до наших дней парадигмой ненависти и этнопсихологического ослепления значительной части братских народов, живущих веками на одном географическом пространстве.

Следует заметить, что в основе всех противоречий – социальных и национальных – тогда и в наши дни лежит один и тот же вопрос – *вопрос о земле*. Так, если на каждую душу казаков (мужчин) отводили по 30 десятин земли, то в Горной Чечне перед Октябрьской революцией 1917 г. на мужскую душу нарезали 0,3 десятины, в Горной Ингушетии и в Горной Осетии – 0,2 десятины. (См. Д.З. Корнев. Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967. Северо-Осетинское книжное издательство, с. 12). Таким образом, безземельные горцы оказались в самом тяжелом положении. «После покорения Кавказа, – писали

ингуши в 1-ю Государственную Думу, – 2/3 наших земель, насильственно отобранных, перешли в руки казаков и мы, ингуши, для того, чтобы жить, должны арендовать земли у тех же казаков... Это ничто иное как налог в пользу казаков, налог тем более возмутительный, что мы, ингуши, платим его за пользование землей, принадлежавшей нам тысячелетия» (Цит. по кн.: Д. З. Корнев. Ук. соч., с. 17).

Революционные события 1917 года дали толчок к провоцированию новых межэтнических столкновений. Вновь Ольгинское опоясывается окопами против аула Базоркино. В Осетии было решено создать национальную армию для защиты безопасности осетинского народа. Во главе всех вооруженных сил поставили генерала Фидарова, который был осетином-мусульманином и пользовался в Ингушетии большим авторитетом. Предполагалось, что это будет содействовать в снятии межэтнической напряженности между осетинами и ингушами. Но на самом деле так называемые отряды «Осетинского национального совета» во главе с генералом Фидаровым и другими перешла на сторону бело казачьего офицера Георгия Бичерахова (осетинского инженера, в прошлом меньшевика), возглавившего вооруженный мятеж против Советской власти контрреволюционной верхушки Терского казачества в Моздоке 23 июня 1918 года. Тогда казаки-бичераховцы обменялись «любезностями» с ингушами, напав на аул Бартабос (ингуши в свою очередь напали на станицу Тарскую). В августе бичераховцы открыто выступили против Советской власти. В ночь с 5 на 6 августа банды казаков, возглавляемые полковниками Соколовым, Беликовым и другими ворвались во Владикавказ, где проходил 1У съезд народов Терка. По признанию полковника Беликова они стремились обезглавить Советскую власть на Терке. Бичераховцы пытались захватить весь состав съезда во главе с Г. К. Орджоникидзе. Героический сражались рабочие и отряд осетинских керменистов. Сражались и бойцы Нальчикского отряда. Выдающуюся роль в защите Владикавказа сыграли и ингуши. Съезд ингушского народа решил оказать немедленную помощь Владикавказу. Здесь же, на съезде, были созданы полки и сотни. Они были срочно отправлены во Владикавказ. О разгроме контрреволюционных отрядов казаков и осетинских офицеров, напавших на город, Серго Орджоникидзе сообщал в Москву телеграммой: «После одиннадцатидневных боев мятежники разгромлены, сбежали из города» (См. Р. Х. Гугов. Совместная борьба народов Терка за Советскую власть. Нальчик. Издательство «Эльбрус». 1975. С. 282). Отмечая роль ингушей в августовских событиях 1918 года, С. Орджоникидзе говорил на съезде: *«Я помню момент перед концом 1У съезда, когда мы висели на волоске; это был момент неуверенности, когда за нами не шли, а на нас робко оглядывались. И вот в этот момент одиночества Советской власти маленький ингушский народ весь встал на защиту Советской власти»* (Цит. по кн.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР (1917-1970 гг.). Т. 11, Чечено-Ингушское книжное издательство. Грозный, 1972, С. 38).

«Это был поистине всенародный подвиг ингушского народа в защиту новой рождающейся Советской власти, которая впоследствии сплотит народы Кавказа и всей России, и вплотную возьмется за

разрешение национального и извечного территориального вопросов. Но это было еще впереди.

Однако, вскоре Терская область была занята белогвардейскими войсками. Земельная программа Деникина гласила: **«Сохранение за собственниками их прав на землю»**. Территориальный вопрос в Ингушетии вернулся на круги своя. Земли, возвращенные ингушам в 1918 г. Советской властью, вновь отбирались. Ингуши обязывались уплатить убытки, связанные с выселением станиц в 1918 году. В приказе по Терскому казачьему войску (июль 1919 г.) говорилось: «Взыскать все убытки, понесенные казаками при выселении станиц: Фельдмаршальской, Ахки-Юртовской (Воронцово-Дашковской), Терской, Сунженской, хутора Тарского, станиц Кохановской и Ильинской, а равно взыскать за оставленное в прошлом 1918 году посева озимые, яровые и фрукты по средней оценке настоящего времени, руководствуясь сведениями, определенными Советской и станичными комиссиями, образованными по вопросу о срочном выселении станиц» (Цит. по кн.: Г. К. Мартиросиан. Ук. соч., с.259). Так, земельная вакханалия продолжалась в духе имперской политики, которую белогвардейцы собирались восстановить, но потерпели сокрушительное поражение.

Горцы в своей преобладающей массе не приняли антинародное белое движение. Но, в наши дни встречаются исследователи, которые пытаются приписать задним числом белогвардейцам, попытку проведения на Северном Кавказе «национальной политики максимально учитывающей интересы всего населения края». Так В. Цветков пишет, что в письме главе ТДК (Терско-Дагестанский край – Х. Т.) генералу В.П. Ляхову главком ВСЮР (Вооруженных сил юга России – Х. Т.) А. И. Деникин отмечал: *«... Вам предстоит тяжелейшая, но благодарная задача умиротворить Терско-Дагестанский край. Ввести начала законности и порядка. С высокой справедливостью и беспристрастием примирить интересы подчас враждующих соседних народностей. Восстановить правильную экономическую жизнь... помочь свободному развитию местных установлений. Создать вооруженные силы для защиты родных очагов и для участия в борьбе за освобождение России... Вновь приобщить край к русской государственности»* (В. Цветков. Кинжал в спину Добровольческой армии. «Посев» №2 2002). Но прежний колониальный режим не устраивал основную массу населения. Это прекрасно понимали главари белого движения. Им вспоминалась Русско-Кавказская война, былые методы геноцида горских народов. Даже в обращении к населению они напоминали: *«То, что сейчас происходит на Северном Кавказе, с полным основанием можно назвать второй кавказской войной. То же взаимное ожесточение борющихся сторон... Придя на Кавказ, мы думали, встретим здесь друзей, но вместо этого со стороны Чеченского народа мы встретили войну... Ваши интересы были обеспечены, мы предоставили Вам внутреннее самоуправление. Что же Вам еще нужно?»*. За этими игривыми словами следовала имперская угроза: «Если непокорные аулы не согласятся разоружиться, то к ним будут приняты самые суровые меры... Если по отрядам Добровольческой Армии раздастся хоть один выстрел

из аула, то этот аул будет немедленно разрушен...» (Там же). Это уже по Деникину – от своей природы не уйдешь.

Здесь необходимо использовать свидетельства самого Деникина: *«Большевики совместно с ингушами оборонялись с большим ожесточением. Части генерала Геймана, наступавшие с севера (На Грозный – Х. Т.) находились под ударом с фланга и тыла, со стороны ингушских аулов с населением поголовно вооруженным, поднявшимся в защиту большевиков. Потребовалось 6 дней упорной борьбы, ряда последовательных ударов по ингушским аулам, в которых большевики совместно с ингушами отчаянно защищали каждую саклю»* (См. Ген. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Том IV. Вооруженные силы юга России. Книгоиздательство «Слово», Берлин, 1923, с. 112). Это убедительный пример симпатии и принятия Советской власти ингушами и другими горскими народами и свидетельство героической борьбы за реализацию своей национальной программы большевиками. Деникин и его антинародная армия разрушали горские аулы и истребляли население, а большевики своей кровью их защищали от белогвардейских погромов. Деникин еще раз отмечает, что *«Ингушетия по-прежнему представляла из себя вооруженный стан, который считался с одним лишь аргументом – силой»* (См. ген. Деникин А. И. Ук. соч., с. 122).

Таким образом, ингушский народ отчаянно защищал свою родную землю от белогвардейских захватчиков, которые пытались восстановить царский режим и колониальную администрацию, испокон натравливавшую братские горские народы друг на друга из-за взаимных земельных притязаний.

С восстановлением весной 1920 г. Советской власти на Тереке, территориальные проблемы выдвинулись на одно из первых мест. В ходе разрешения земельного вопроса значительное число чеченцев и ингушей переселилось с гор на плоскость. 25 марта 1922 года ЦИК Горской АССР окончательно закрепил за чеченцами и ингушами земли выселенных станиц Сунженского и Кизлярского отделов, поддержавших, контрреволюционное восстание. Документ гласил: *«Лица, тем или иным путем, словами или действием, внедряющие среди ингушских и чеченских трудовых масс недоверие к устойчивости их пользования выше означенными землями и распространяющие слухи о возможности обратного поселения на них прежнего казачьего и другого населения, являются провокаторами и врагами Советской власти. Они подлежат выявлению всеми законными способами с представлением их местным властям для предания суду по всей строгости законов революционного времени»*. Но, конечно, и этот документ при всей своей «революционности» не мог стать последним актом окончательного решения земельного вопроса. К сожалению, ингушский народ выходил на новый виток национальных злоключений по сохранению родной земли, не раз отнятой иноземными захватчиками.

В разрешении территориального вопроса для ингушей и других горских народов имело важное историческое значение образование их национальной государственности. Еще в 1905 году был образован Назрановский округ с центром в местечке Назрань, но

полностью управление оставалось в руках царской администрации. В дальнейшем национально-государственное развитие ингушского этноса проходило в составе Терской автономной Советской Республики (март 1918 – февраль 1919 гг.) и Горской АССР (1921-1924 гг.). В Назрановский округ входили три района: Пседахенский (Пседах), Назрановский (Назрань) и Галашкинский (центр село Акч-Юрт). Горская Республика сыграла свою определенную положительную роль. В течение 1921-1922 гг. из нее выделались автономные области: Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Чечня. Осетины и ингуши продолжали находиться под одной национально-государственной крышей и в отличие от современных межэтнических конфликтов уживались неплохо. Но было тяготение к образованию самостоятельных автономий, а это было исторически целесообразно, и на основе волеизъявления народов, 7 июля 1924 г. ВЦИК принял постановление об упразднении Горской АССР и образовании Ингушской и Северо-Осетинской автономных областей со столицей в городе Владикавказе, который с момента своего возникновения стал для ингушей и осетин, притягивающим их политико-экономическим и культурным центром. Два братских народа разделялись только рекой Терек, на которой еще были мосты дружбы. Их совместное национально-государственное образование давало плоды. Следовало бы об этом помнить сторонам осетино-ингушского конфликта особенно сегодня.

К сожалению, период самостоятельного национального государственного развития Ингушетии в 1924-1934 гг. долгое время недостаточно изучался, а «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР» (1917-1970 гг. Грозный, 1972 г.) освещали этот период так, как будто чеченцы и ингуши жили в одном национально-государственном образовании. У ингушских историков и политологов здесь открываются большие возможности для осмысления своей национальной государственности с учетом собственного опыта в самые интересные годы национального возрождения ингушей и золотой поры преодоления сложных межэтнических противоречий с осетинами, как наследие имперской политики русского царизма, натравливавшего одни народы на другие, продолженное белогвардейцами. Странно, что для молодой Ингушской Республики по вине Федеральной власти до сих пор проблема картографического закрепления территории, как важнейшего принципа государственности, висит в воздухе. Более того, территориальные издержки даже после реабилитации ингушского народа до сих пор не отрегулированы. Образовавшиеся нагромождения и наслоения по этой проблеме не легко снять, особенно, когда они были еще более осложнены в анти конституционных решениях Президиума ВС СССР по массовой депортации в 1944 г. чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан.

Так, в Указе Президиума ВС СССР от 7 марта 1944 г. «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и административном устройстве ее территории», в п. 4 было закреплено: *«Включить в состав Северо-Осетинской АССР город Малгобек и следующие районы бывшей Чечен-Ингушской АССР: Ачалуковский, Назрановский и Пседахский в существующих границах. Пригородный район, за исключением его южной части, Западную*

часть Сунженского района, а так же восточную часть Курпского района Кабардино-Балкарской АССР» (Подлинник) Южная же часть Пригородного района включалась в состав Грузинской ССР. Несколько районов отошли в состав Дагестанской АССР. На основной территории республики, где проживали чеченцы, ингуши и другие народы, создавался Грозненский округ в составе Ставропольского края, вскоре преобразованный в Грозненскую область в составе РСФСР. Еще до появления этого антиконституционного акта – 23 февраля 1944 года состоялось злодейское поголовное выселение всех чеченцев и ингушей в Казахстан и Киргизию.

Долгих 13 лет, в тяжелых условиях жизни специальных переселенцев, они ждали своего возвращения к родным очагам. В 1956-1957 гг. началась полоса реабилитации репрессированных народов и возвращение их в прежние места расселения. Однако, реальное восстановление национально-государственных образований и территориальная реабилитация стали проходить по прежним стандартам: одним народам не возвращали свою государственность, другим территорию прежнего проживания (немцы, крымские татары, калмыки, карачаевцы, ингуши и некоторым другим народам), короче, статус-кво не восстанавливался. А отнятый у ингушей Пригородный район незаконно и аморально был оставлен в составе Северо-Осетинской АССР, являясь до сих пор яблоком раздора и причиной кровавых столкновений между осетинами и ингушами. Необходимо еще и еще раз повторять, что «исторический конфликт» между двумя народами имеет основную причину раздора – это территориальные претензии друг к другу. Немало было кровопролитных попыток их решить, но они по-прежнему порождали новые противоречия. Размер данной статьи не дает возможности в полной мере и последовательно проследить эту этническую драму. Она продолжается.

После реабилитации чеченцев и ингушей в 1957 году Пригородный район не вошел в состав воссозданной Чечено-Ингушетии – в качестве компенсации она получила три района Ставропольского края, расположенные вдоль ее северной границы. Однако после распада СССР Ингушетия и Чечня разделились, и ставропольские районы остались в составе Чечни. Тогда ингуши опять поставили вопрос о возвращении Пригородного района, тем более что за прошедшие со времен депортации десятилетия ингушское население на этой территории снова выросло. Пока Верховный совет РСФСР медлил с пересмотром параграфов закона о реабилитации репрессированных народов в части территориальной реабилитации, некоторые ингушские лидеры решили сами разобраться с проблемой Пригородного с помощью оружия. Межэтнические столкновения не происходят вдруг. Конфликты имеют причину и повод. Так, 24 октября 1992 г. состоялось объединенное заседание трех райсоветов Ингушетии и депутатской группы Пригородного района (территория ингушей) Северной Осетии. Выражая волю ингушского народа, в целях защиты своих родственников, проживающих в Северной Осетии, было принято решение объединить добровольцев в отряды самообороны и организовать их дежурство во всех населенных пунктах Пригородного района Северной Осетии, где проживали ингуши. Дежурство планировалось осуществлять вплоть

до возвращения, земель оторванных от Ингушетии при их депортации в 1944 году и насильственно удерживаемых осетинами. Когда ингуши были реабилитированы и с 1957 г. стали возвращаться на Родину из Средней Азии, в родном Пригородном районе им не только не вернули дома и имущество, но им запретили проживать там, отказав в прописке. По секретной директиве запрещалось продавать дома или сдавать дома под жилплощадь на оплату ингушам. Это было начало второго геноцида против ингушей со стороны Советской власти. (См. «Экспресс-Хроника», 3-10 ноября 1993 г., №45). Добровольцам разрешалось личное огнестрельное и другое оружие, но это было ответным на мероприятия осетинской стороны. **Однако следует заметить, что при отсутствии взаимопонимания сторон и глухоты Федерального центра братские народы метались, хватаясь за самый опасный аргумент – оружие, которое одинаково стреляло в обе стороны.**

Еще в ноябре 1991 г. в Северной Осетии самовольно были созданы вооруженные формирования, республиканская гвардия и народное ополчение. Осетинские силы составили: первый полк патрульно-постовой службы в 796 человек, второй полк – 442, батальон ОМОН – 287 человек. Под ружьем находилось значительное количество людей для охраны объектов народного хозяйства. Таким образом, конфликтующие стороны все более стали склоняться к военным методам решения территориального спора. Обстановка накалилась до предела.

Верховный Совет Российской Федерации 26 октября 1992 г. предложил сторонам решить спор мирным путем, но маховик, запущенный сторонами, при попустительстве исполнительной власти страны, завертелся. В ночь с 30 на 31 октября 1992 года произошли столкновения в ряде сел. В 6 часов 30 минут 31 октября вооруженные отряды ингушей вошли на территорию Пригородного района. **В столкновениях ингушей и осетинских вооруженных формирований приняли участие подразделения российских войск. Развернулись жестокие бои, не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Этнический признак был причиной смерти. Это был настоящий геноцид.** Ингушское население Владикавказа и Пригородного района почти целиком бежало в Ингушетию. Осетинские боевики продолжали бесчинствовать, разрушая целенаправленно дома беженцев. В то время в целом в Северной Осетии было разрушено 2728 ингушских и 848 осетинских домов. К сожалению, федеральные подразделения не стали буфером, а в основном заняли сторону осетин. **Самые тяжелые и безвозвратные потери были в людях. По данным прокуратуры, в дни вооруженного конфликта __ с 31 октября до 5 ноября 1992 года – погибло 583 человека, в том числе 350 ингушей и 192 осетина, было ранено 939 чел., в том числе 457 ингушей и 379 осетин, пропали без вести 261 человек, в том числе 208 ингушей и 37 осетин, подверглись незаконному лишению свободы 1093 человека, в том числе 708 ингушей и 289 осетин»** (Источник: «Экспресс-Хроника». Ук. соч., с. 3). Однако, к сожалению, эта страшная трагедия, до сих пор, не осмыслена, не извлечены из нее уроки, конфликт продолжается. Десятки тысяч беженцев-ингушей из Северной Осетии не могут вернуться в родные места.

Много лет они пребывают в тяжелых бытовых условиях и в моральной этнической подавленности. Ингуши не могут понять, за что такое наказание? А осетинам пора призадуматься на примере трагедии братьев юго-осетин и зверства грузинских националистов при их изгнании. Уголовные дела по фактам гибели и похищения мирных граждан были позднее сведены в одно производство, но почему-то прекращены. Но все еще жива память о трагических событиях 1992 года: *ингуши называют их геноцидом, а осетины – отражением агрессии и чуть ли не второй отечественной войной.*

Осетино-ингушский вооруженный конфликт 31 октября – 1 и 2 ноября 1992 года действительно был кровавым геноцидом против ингушей, и новая депортация их сопровождалась, более страшной карой, чем в 1944 году, когда до трех тыс. осетин помогали войскам НКВД. Видимо этнопсихология их была подготовлена к такой развязке межнациональных противоречий долготлетним противостоянием двух соседних народов. Она поддерживалась и тогда, когда незаконно репрессированные народы были реабилитированы и возвращались из ссылки домой. Как писала ингушка-специпереселенка Аза Базоркина: « В конце 1956 года на станцию Беслан прибыл первый эшелон из Кустанайской области с ингушскими семьями. Люди ехали организованно, билеты взяты по пропускам. **Но первый секретарь обкома партии СОАССР Аккацев дает указание местным органам МВД оценить станцию Беслан, не допустить разгрузки эшелона и отправить его обратно. Людям даже не дали выйти из вагонов, встретив их автоматами и штыками. Тем же эшелонам вернули их в Казахстан.** Можно себе представить, что перечувствовали люди. Сколько недоумения, горечи, недоверия, злости, накапливалась в их душах! Аккацев объяснил свою акцию тем, что ему некуда девать своих людей, которыми заселены ингушские аулы. После возвращения Кустанайского эшелона пропуска выдавать перестали» (А. Базоркина. Терпение: Воспоминание. В кн.: Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы. В 3-х томах. Том 2. (Ред. – сост. С. У. Алиева). М., «Инсан», 1993, с. 134). Эта выходка была фашиствующей психологией на властном уровне. А как продолжали «низь» относится к трагедии братского народа? Однажды корреспондент спросил у осетинки, проживающей в Пригородном районе: «Каково ваше мнение о территориальном конфликте?». Ответ был решительным и недвусмысленным: **«Ингуши плохо воевали и выступали против Советской власти, а осетины героически сражались, и в знак благодарности нам эту землю Сталин подарил. Следовательно, она наша».** К сожалению, анти ингушская этническая пропаганда в Северной Осетии не прекращалась. Злостные слова осетинской женщины прямой результат надорванной этнической психологии. На трагедии соседнего народа нельзя строить свое благополучие. Нравственная зрелость любого этноса величайшее достояние человеческой цивилизации. И нужно, чтобы большой или малый этнос в полной мере работал над совершенствованием своей этнической психологии и всегда поддерживал в отношениях к себе подобным общностям принципы справедливости, толерантности (лат. *tolerantia* – терпение), сострадательности, искреннего сочувствия в народном

горе, взаимопомощи и поддержки, взаимно выгодного сотрудничества, дружбы и братства в совместной жизни. Безусловно, все это в идеале, но более правильного пути у человечества нет. Необходимо еще и еще раз повторять, что «исторический конфликт» между двумя народами имеет основную причину раздора – это территориальные претензии друг к другу. Немало было кровопролитных попыток их решить, но они по-прежнему порождали новые противоречия. Размер данной статьи не дает возможности в полной мере и последовательно проследить эту этническую драму. Она и в наши дни фактически продолжается. На наш взгляд, одним из важных обстоятельств, тормозящих вот уже полсотни лет разрешение территориальной проблемы, как основы осетино-ингушских отношений в целом, является не исполнение **Закона «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года с момента его принятия, по вине, прежде всего, законодателя и исполнительной власти, связанные со спекуляциями вокруг 3-й и 6-й статьями.**

Как сложилась, началась и развивалась кровавая драма в Пригородном районе?

Утром 31 октября 1992 года в Пригородном районе появились ингушские добровольческие отряды. И у ингушей, и у их противников имелось большое количество стрелкового оружия, попадалась и бронетехника. Ингуши довольно быстро заняли большую часть селений, но осетинам при поддержке ополченцев из Южной Осетии удалось отгеснить ингушей обратно к административной границе. Перестрелки и столкновения продолжались, и 2 ноября 1992 года тогдашний президент России Борис Ельцин ввел на территории Пригородного района чрезвычайное положение. В район вошли федеральные войска, которые к 6 ноября разделили противоборствующие стороны. Но к этому моменту примерно 30 тысяч ингушей, постоянно живших в Пригородном районе, уже подверглись этнической чистке и были вынуждены покинуть его территорию. В результате столкновений погибло сотни человек. Столько же попали в заложники по обе стороны границы. Уголовные дела по фактам гибели и похищения мирных граждан были позднее сведены в одно производство и прекращены. (См. Осетино-ингушский конфликт может вспыхнуть вновь после трагедии в Беслане, полагают эксперты. <http://www.newsru.com/russia/06sep2004/prigorodny.html>).

13 декабря 1993 г. Президент РФ Б. Н. Ельцин издал Указ (№ 2131) **«О порядке возвращения в места постоянного проживания беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Республики Северная Осетия и Ингушской Республики»** в которой говорилось: **«В целях нормализации обстановки в зоне осетино-ингушского конфликта, на основании Закона РСФСР «О чрезвычайном положении» постановляю: 1. Подтвердить статус Пригородного района как территории, находящейся в составе Республики Северная Осетия. 2. Совету Министров – Правительству Российской Федерации, Временной администрации, Совету Министров Республики Северная Осетия, Совету Министров Ингушской Республики осуществить, начиная с декабря 1993 года, возвращение и расселение беженцев и вынужденных переселенцев в места их прежнего компактного**

проживания, на первом этапе – в населенные пункты Чермен, Донгарон, Дачное, Куртат Пригородного района. Принять необходимые меры по комплексному решению проблем беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Республики Северная Осетия и Ингушской Республики...».

Хотя этот Указ неправомерно подтверждал статус Пригородного района, как части Северной Осетии, что противоречило ст. 3 Закона «О реабилитации репрессированных народов», признавшего: **«Реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством»** (Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. Председатель Верховного Совета РСФСР Б. И. Ельцин) и Закону Российской Федерации от 3 июля 1992 года «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению Российской Федерации», в которой было признано необходимым воздержаться до 1 июля 1995 года от постановки территориального вопроса. Законодательство ничего не оставалось, как на основании Закона РСФСР «О чрезвычайном положении» пытаться предложить механизм выхода из драматической ситуации **«путем возвращения и расселения беженцев и вынужденных переселенцев в местах их прежнего компактного проживания»**. Однако этот Указ был встречен частью руководства и населения Северной Осетии не одобрительно. Для них даже незаконное включение в состав Северной Осетии Пригородного района показалось недостаточным, и продолжали развивать провокационную идею **«этнической несовместимости осетин и ингушей на одной территории»**. Однако, этот Указ трудно выполнялся. Обе стороны все еще находились в пылу поиска виновных в страшной трагедии, когда столько крови было пролито, а конца противостояния не было видно. Мешал противоположный подход осетин и ингушей к территориальному спору. Таким образом, осетино-ингушский конфликт продолжался, проблема территории стала еще более сложной и опасной.

По рассматриваемой проблеме интерес представляют журналистские публикации в газете «Известий» (№№ 14-18 за январь 1994 года) Ириной Дементьевой, которая дала объективно всесторонний документальный и ошеломительный материал в политико-правовой и нравственной основе готовый для парламентского слушания о роли российских войск в зонах ЧП Северо-Кавказского региона и об ответственности отдельных этнических групп и их руководителей, допускающих геноцид по отношению к другим народам. Но сессия Верховного Совета Северной Осетии, специально обсудив публикации И. Дементьевой в «Известиях» под заголовком «Война и мир Пригородного района» потребовала от газеты опровержения, а автора под суд. Высшему руководству Российской Федерации было сообщено мнение «о невозможности проведения работы по разрешению ингушко-осетинского конфликта в условиях

возбуждения массового психоза СМИ РФ и ИР» («Северный Кавказ», №4, 29 января 1994 г.). Видимо были «секреты», огласки которых боялись осетинские парламентарии. И. Дементьева раскрыла сведения о наличии оружия с обеих сторон, где явное превосходство было у осетин. Она описала трагические события в ночь с 30 октября по 31 октября 1992 года и обнародовала правду, которую долго скрывали СМИ России, а именно: «Во Владикавказе жили около 17 тыс. ингушей, работавших в различных учреждениях и предприятиях города. Уже к исходу дня 31 октября большинство из них были арестованы, в первых числах ноября не осталось ни одной семьи. Ингушский район частной застройки Шалдон сожжен дотла, около 600 государственных квартир со всем содержимым перешли к новым хозяевам» («Известия», №14, 25 января 1994 г.).

А ведь, если соблюдали бы Закон «О реабилитации репрессированных народов» всего этого могло и не случиться. Центр метался. 25 июля 1994 года вводится режим ЧП, которого истек срок 30 сентября. Появляется новый Указ Президента РФ от 30 сентября 1994 г. «О введении чрезвычайного положения на части территории Республики Северная Осетия и Ингушской Республики», который был подписан лишь 3 октября, вводящий ЧП на следующие три месяца. Таким образом, с точки зрения закона в регионе конфликта на два дня режим ЧП был отменен.

В 1994 году на 11 Всероссийской научной конференции Дахкильгов И. А. (Ингушетия) предлагал, для ликвидации так называемого осетино-ингушского конфликта необходимо: незамедлительно вернуть ингушских депортантов к своим разоренным домам, оказать им помощь в обустройстве жилищ; ингушам депортированным из г. Владикавказа, вернуть их квартиры, или выделить взамен их другие, идентичные квартиры в правобережной части г. Владикавказа; **запретить руководству Северной Осетии поселять на ингушской земле юго-осетин, являющихся гражданами Грузии, и тем самым остановить стремление к этнической перестройке Пригородного района.** (См. Дахкильгов И. А. Пути восстановления Ингушетии. В кн.: Репрессированные народы: история и современность. Карачаевск. 1994, СС. 82-83). Это были резонные и актуальные предложения. К сожалению, политики мало внимания обращают на подобные высказывания.

На наш взгляд, без справедливого восстановления имущественно-территориального ущерба, нанесенного государством населению, невозможно полностью погасить осетино-ингушский межэтнический конфликт, в который тогдашний режим преступно втянул осетинский народ с передачей ему исконной ингушской территории. Такой подход к историческим территориальным спорам – очень опасен в многонациональном государстве. Он уродует этническую психологию народов, сеет вражду и отчужденность между ними, извращает местных властей. Так, в марте 1993 года Верховный Совет Северной Осетии по предложению республиканского лидера А. Галазова, сославшегося на мнение общественности, принял расистское по своему духу постановление о **«невозможности совместного проживания осетин и ингушей»**. Он же придал легитимность формуле об «ингушской агрессии» против

миролюбивых осетин. Только, 4 апреля 1997 г. парламент РСО-Алания отказался от этой формулы. (Источник. В.А. Шнирельман (Институт этнологии и антропологии, Москва). «Патриотическое воспитание»: этнические конфликты и школьные учебники истории. Он же ссылается на кн.: Пригородный район: выбор цели. Владикавказ: Иристон, 1997, С. 25, 28, 156).

Нельзя забывать о том, что при решении территориального спора между осетинами и ингушами основополагающим исходным пунктом и бесспорным в своей постановке должен быть вопрос о восстановлении границ Ингушетии по состоянию на 23 февраля 1944 года. Это было предусмотрено в законах СССР, РСФСР и Российской Федерации о реабилитации репрессированных народов. В их нарушении Пригородный район включен в состав Северной Осетии. Словом, ингуши потеряли территорию, где до их депортации жила половина народа. Проблема территории вылилась в национальную трагедию, которая охватила весь этнос.

16-18 января 1973 года, три дня и три ночи, площадь Ленина в Грозном была заполнена ингушами – пожилыми и молодыми. Стоял все тот же территориальный вопрос. Центр и местные власти делали вид, что они тоже могут принимать участие в диалоге, но предложили разойтись. «Сомневавшуюся молодежь, не желавшую расходиться без достоверных сведений, избивали резиновыми дубинками и поливая из брандспойтов ледяной водой, загнали в автобусы, вывезли за город, где выпустили, мокрых, в двадцатиградусный мороз в чистом поле. Там и оставили их» (Аза Базоркина. Терпение. В кн.: Так это было. Т. 11, М., «Инсан», 1993, с. 139). Затем последовали события 1981 года. Страсти накалились, а Центр по-прежнему был равнодушен к судьбе ингушей. Но его дальнейшие шаги усугубляли осетино-ингушский конфликт. Так, в 1982 году Совмин РСФСР принял постановление, разрешающее не прописывать ингушей в родном Пригородном районе с «целью предотвращения национальных трений». **Это был второй геноцид против ингушского народа. Подобное развитие событий и перекраивание старых границ ингушского Пригородного района властями Северной Осетии вело к событиям кровопролитного 31 октября 1992 года.**

Конца территориальной развязки не видно. Но ее природу и тяжелые последствия для обоих народов – осетин и ингушей – точно определила Валентина Хетагурова из Владикавказа: *«Я осетинка, – писала она, – у которой муж ингуш, у него совесть и руки чисты перед осетинским народом... Я обращаюсь к народу Осетии: неужели среди Вас не найдется настоящий человек, который мог бы сказать во весь голос: «Люди! Остановитесь!». Кто мне ответит? Как должен себя чувствовать ни в чем не виноватый человек, которого считают врагом? Почему ингуши не имеют права возвратиться в свои дома? Осетия молчит о тех «пожанах» (беженцы из Южной Осетии – Х. Т.), которые ведут себя по хамски и Осетии никогда никакую пользу не принесут. Они заняли квартиры ингушей, и никто не спросит: а на каком основании? Я люблю своего мужа и не хочу его терять... Так почему он в изгнании? Кто наконец-то возьмется решить судьбу ни в чем не повинных людей? Это крик моей души... Я обращаюсь к Руслану Аушеву (Тогдашний*

Президент Ингушетии – Х. Т.): Руслан, умоляю, сделайте что-нибудь, чтобы люди могли вернуться в свои дома, в свои семьи, где их ждут» («Северный Кавказ», №540, 11 декабря 1993 г.).

В середине августа 1997 г. в Северной Осетии было распространено «Открытое письмо общественно-политическим движениям, интеллигенции, творческим союзам, средствам массовой информации, религиозным организациям РСО-А, всему осетинскому народу», подписанное руководителями общественных движений, творческих союзов, представителями научной интеллигенции Ингушетии. В указанном письме вновь поднимается вопрос о необходимости восстановления территориальной целостности Ингушетии. В нем, в частности, говорится: **«Никогда, ни под каким предлогом, ни при каких условиях ингушский народ не откажется от своей родины, от колыбели, где зарождалась, выросла и окрепла цивилизация народа... Ингуши никогда не снимут вопрос о передаче его (Пригородного района. —А. Д.) под юрисдикцию Республики Ингушетия. Делая это заявление, мы знаем вечную истину: любая война заканчивается миром. А мир и спокойствие на Северном Кавказе может быть обеспечен, только возвратив ингушскому народу его историческую Родину. Во многом сегодня это зависит от осознания осетинской стороной всей меры ответственности за предотвращение в нашем регионе нового конфликта».**(См. А. Дзадзиев. Ук. соч. Ссылка на текущий архив ЦС и ГИ ВИУ). Открытое обращение к осетинскому народу и по форме и по содержанию было приглашением к диалогу. Автор данной статьи, как защитник от фашистской агрессии этой территории в годы ВОВ и давний исследователь этой трагедии, считает, что преступно перед человеческой совестью не прислушиваться к этнической драме братского народа, возникшей не по его вине.

К, сожалению, осетинская сторона продолжала непреклонную линию отстаивания присвоенной ингушской территории. По инициативе Всеосетинского Совета «Стыр Ныхас» 25 августа 1997 г. в г. Владикавказе состоялось собрание представителей более, чем 50 общественно-политических движений, партий и национально-культурных обществ Северной Осетии. Участники собрания единодушно осудили текст «Открытого письма...» группы ингушских депутатов, вновь высказали позицию осетинской стороны: **«Ингушко-осетинский конфликт будет решен раз и навсегда лишь в том случае, если Ингушетия официально откажется от территориальных притязаний к Северной Осетии» и призвали осетинский народ сплотить силы в целях защиты национальных и территориальных интересов своей республики**». Было подписано «Заявление», в котором указывалось, что «Пригородный район – составная неотъемлемая часть суверенной Республики Северная Осетия-Алания» и звучал «призыв к мирному разрешению проблем осетино-ингушских противоречий». Однако, заключительная часть «Заявления» обнажала подлинные методы североосетинского закрепления чужой территории: «Вместе с тем считаем своим долгом строго предупредить потенциальных агрессоров, любителей бряцать оружием, что, в случае развязывания нового кровавого конфликта, вся ответственность за

возможные трагические последствия целиком и полностью ляжет на их безрассудные головы» (См. Газета «Сыр Ныхас. № 15, сентябрь 1997 г.). С такой воинствующей этнопсихологией сложно сожительствовать в многонациональном государстве. Но люди, не будем говорить о народе в целом, допустившие присвоение исконной этнической территории соседнего народа в его трагические годы, видимо еще не скоро освободятся от фанатического заблуждения – «спор решает сила!». Лучшие бы эту энергию и упорство использовать в поддержку своих родных братьев-осетин, ведущих вековую борьбу против грузинских колонизаторов и добиться воссоединения всего осетинского народа. Это куда важнее, куда главнее для всего аланского этноса.

Тем временем конфликт продолжался, увеличивалось число жертв и потерь. С середины июля 1997 г. – со времени обострения этнополитической ситуации в зоне осетино-ингушского конфликта, вызванного рядом террористических актов (в течение второго полугодия 1997 г. и 8 месяцев 1998 г. на почве межнациональных отношений в зоне конфликта погибло 50 чел., в том числе 22 осетина, 10 ингушей и 18 чел. других национальностей, было ранено около 70 чел.; в 1996 г. в зоне конфликта погибло 26 чел., ранено 50 чел., в 1997 г. – соответственно 43 и 72 чел.), процесс возвращения ингушских вынужденных переселенцев в места своего прежнего постоянного проживания на территории Пригородного района Северной Осетии был практически приостановлен. За второе полугодие 1997 г. в Северную Осетию официально вернулось всего 45 семей (310 чел.), за 8 месяцев 1998 г. – 110 семей (644 чел.). (См. Данные Представительства полномоченного представителя Президента РФ в РСО-А и РИ. Цит. По.: А. Дзадзиев. Зона ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта (июль 1997 – август 1998). Владикавказский институт управления. Негосударственное высшее учебное заведение.). А. Дзадзиев в своем исследовании считает, что **«возможность активизации процесса возвращения ингушских вынужденных переселенцев в ближайшее время исключена как в силу вышеотмеченных факторов, так и в связи с вновь выдвигаемыми требованиями ингушской стороны восстановить территориальную целостность Ингушетии в соответствии с Законом РФ «О реабилитации репрессированных народов».**

С другой стороны, ингушская общественность продолжала усилия по поиску мирного разрешения конфликта. 10 октября 2000 г. в Назрани была открыта общественная приемная по вопросам ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта. Материалы и заявления от пострадавших было намечено отправлять в Москву как документы, свидетельствующие о правонарушениях на Северном Кавказе. (См. ПРИМА №107-2. Rus/)

С большим опозданием, но аргументировано, обращая внимание на необходимость правового подхода к оценке конфликта, Совет Федерации ФС РФ принял Постановление **«О положении внутренних переселенцев в зоне осетино-ингушского конфликта октября – ноября 1962 года» от 29 июня 2001 года № 231-СФ,** в котором отмечалось, что «возвращение и обустройство

вынужденных переселенцев сдерживается отсутствием действенных правовых механизмов регулирования миграционных процессов, недостаточным финансированием мероприятий по переселению и обустройству вынужденных переселенцев, ограниченными возможностями региональных и местных властей реализовать социальные планы и программы, отсутствием системной объективной информации в местах проживания вынужденных переселенцев». Предлагалось: Президенту РФ: **«Активизировать меры по обеспечению на территориях Республики Ингушетии и Республики Северная Осетия – Алания гарантий конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации».** Генеральной прокуратуре и Министерству внутренних дел РФ: **«Обеспечить на территориях Республики Ингушетии и Республики Северная Осетия – Алания реализацию конституционных прав граждан РФ на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства; активизировать работу по завершению расследований массовых нарушений общественного порядка организаторами и активными участниками осетино-ингушского конфликта октября – ноября 1992 года; усилить координацию деятельности по пресечению деятельности противоправных действий граждан, противодействующих возвращению вынужденных переселенцев в места их постоянного проживания; обеспечить вынужденным переселенцам оформление паспортов в соответствии с законодательством РФ; исключить возможность использования средств массовой информации в разжигании межнациональной розни и обострении общественно-политической обстановки. Органам государственной власти Республики Ингушетии и Республики Северная Осетия – Алания: **«Обеспечить надлежащий контроль за соблюдением прав граждан, не допускать и пресекать любые проявления дискриминации по этническому признаку; повысить персональную ответственность должностных лиц за исполнение правовых актов РФ и совместных договоренностей, направленных на преодоление последствий осетино-ингушского конфликта октября – ноября 1992 года». Следует заметить, что дух постановления, политико-идеологические и этнополитические аргументы, правовой подход к предложениям, рекомендуемым исполнительной власти, научно обоснованы и вызывают надежду, что при их выполнении, приблизится конфликтная ситуация ближе к развязке.****

Однако, этнополитические реалии в мировом политическом процессе развиваются стремительно и бурно, внося неожиданные перемены в планах добрых намерений. Когда случилась 1-3 сентября 2004 года Бесланская трагедия, то осетино-ингушский конфликт получил новую подпитку к его дальнейшему разжиганию. Вместо осторожного, но глубоко осмысленного подхода от граждан до властных институтов в Северной Осетии стали рассуждать на уровне эмоций, что не исключено при такой трагедии, связанной, прежде всего с детьми, но стали звучать необдуманные призывы против ингушей. Известный в стране и за рубежом, бывший министр по делам национальностей, этнополитолог Валерий Тишков по этому поводу заметил: «И сегодня необходимо разбираться с последствиями этого конфликта (31 октября

– 1 – 2 октября 1992 г. Х. Т.). **В первую очередь обеспечить права жителей Пригородного ингушского происхождения.** Я думаю, что необходимы и некоторые изменения в официальные документы Республики Ингушетия, где фигурируют официально территориальные претензии. **Но самое печальное, что сегодня подняли голову националисты, в данном случае североосетинские.** На волне недавней трагедии в Беслане происходят попытки использовать эту ситуацию для достижения политических целей. Это прослеживается и на федеральном уровне, и на уровне республики. Так, буквально в первую неделю после теракта вышла статья североосетинского профессора, где он сразу обозначил врага: **агрессия пришла из соседней республики.** Но все забывают, что точно такая агрессия против Ингушетии была совершена тем же силами, теми же людьми 22 июня этого года. **В данном случае я считаю, что просто аморально использовать драму в Беслане для решения политических вопросов»** (Цит. по.: Владлен Максимов, директор Института этнологии и антропологии РАН. На грани. Любая небрежность политиков может взорвать хрупкое равновесие на Кавказе. «Новые Известия», 11. 10. 04). Как предполагает С. Маркедонов: **«Пойти на уступки ингушам и присоединить Пригородный район к Ингушетии, значит восстановить историческую справедливость.** Но в то же время – это ущерб для Северной Осетии. **Ущерб тем более несправедливый, что последние 15 лет именно Северная Осетия проявила себя как наиболее пророссийская из республик Кавказа...** В осетино-ингушском противостоянии Москва скорее стихийно, нежели принципиально рассматривала Северную Осетию как «наименьшее из зол». Пророссийская позиция Северной Осетии сложилась исторически и ставить ее под сомнение, значит, ослаблять российское присутствие на Кавказе». (См. <http://prognosis.ru/news/secure/2004/10/5/ossetia.html>). Однако, признавая Северную Осетию, «как наиболее пророссийской из республик», форпостом России на Северном Кавказе, а это так и есть, но, в то же время категорически, на наш взгляд, нельзя разменивать «историческую справедливость» в отношении другого российского ингушского народа на амбиции осетинских экстремистов, если не проводить политику: «Разделяй и властвуй!». Никакие «симпатии» и «наименьшее из зол» не могут служить основанием в многонациональном государстве для мотивации нарушения основных конституционных принципов образования и функционирования федеративного государства.

Правда, в другой публикации Сергей Маркедонов более рассудителен и проблему рассматривает с учетом позиции осетин и ингушей более прозрачно и объясняет: «Проблема Пригородного района – непростой административно-территориальный спор. За годы советской власти и в особенности в постсоветский период этот вопрос стал основополагающим фактором этнической и политической самоидентификации осетин и ингушей. Для ингушской стороны вопрос о возвращении Пригородного района связывается с полной реабилитацией ингушского народа. В известном смысле прорыв в решении проблемы Пригородного района – это вопрос лояльности ингушей к государству. **Во многом то же самое можно сказать и о мотивах осетинской**

стороны. Для нее уступки ингушам разрушают фундаментальный этнонациональный миф об осетинах и Осетии как российском форпосте на Северном Кавказе. В этом смысле положительное для ингушей решение «проблемы Пригородного района» поставит под сомнение лояльность осетин Российскому государству. За период с начала 1990-х гг. до сегодняшнего дня произошла инструментализация осетино-ингушского конфликта. Апелляция к этой теме является важнейшим легитимационным ресурсом для политических элит Северной Осетии и Ингушетии. Защита этнонациональных интересов, мотивы «единства нации» и борьбы с осетинской (ингушской) опасностью становятся для республиканских лидеров оправданием управленческого авторитаризма, свертывания внутривнутриполитической конкуренции и сдерживания активности неправительственных структур». (2005-03-30, Сергей Маркедонов. Еще один детонатор для Юга России). На наш взгляд, в этих суждениях все верно, но вызывает досаду его предположение о том, что «положительное для ингушей решение «проблемы Пригородного района» поставит под сомнение лояльность осетин Российскому государству». Но, во-первых, осетины, не главные виновники передачи им ингушской древней территории в 1944 г., при их депортации; во-вторых, «лояльность» к российскому государству, к Советскому Союзу и к Российской Федерации складывалась у осетин не потому, что эти политические режимы их «подачками» приманивали, а потому, что сам свободолюбивый народ выбирал себе место и нишу в полиэтничном сообществе, отвечающие его национальным интересам и стремлениям. Следовательно, проблема территорий не должна и не может стать предметом какого-либо торга за «лояльность».

В обращении группы (6 чел.) депутатов Парламента Ингушетии к коллегам из Северной Осетии указывается: «Если Т. Кусов, госсветник президента РСО-А, в интервью газете «Северная Осетия» говорит о том, что **«3-я и 6-я статьи закона «О реабилитации репрессированных народов» явно идут вразрез с Конституцией страны» и ведут к «попыткам разжигания межнациональной розни»,** то глава Северной Осетии А. Дзасохов, комментируя свой отказ подписать подготовленный под руководством Дмитрия Козака план «О первоочередных совместных действиях по урегулированию осетино-ингушского конфликта октября-ноября 1992 года» в интервью «Коммерсанту» заявил, **«что активизация процесса по возвращению ингушских беженцев после Бесланского теракта может быть неправильно понята жителями республики, так и не получившими извинений от ингушских семей, чьи представители оказались в группе террористов, захвативших школу в Беслане».** Станным образом переплетаются у руководства Северной Осетии совершенно разные проблемы. В июне 2004 года нападение на Ингушетию, в результате которого было убито 79 человек, ранено 113 и более 500 детей в одночасье стали сиротами, совершили представители 41 одной национальности. И что же: привязывать их к народам, которые они представляют, распространять ненависть, которую мы испытываем к преступникам, на эти народы? Конечно, несправедливо. **Считаем необходимым обратиться к коллегам из Северной Осетии, чтобы в**

двух республиках с многовековыми традициями мира и добрососедства не допускались призывы к конфронтации, к насилию, а все вопросы решались в правовом поле и в рамках Конституции Российской Федерации» 12 мая 2005 г. (См. Газета «Ингушетия», № 46 (1310) от 12 мая 2005 г.).

Депутаты вправе упрекать президентского советника за его неправильное объяснение сути территориального спора. Такой подход часто используется некоторыми осетинскими экстремистами даже на уровне парламентских решений, выступающих против ст. 3 и ст. 6 Закона «О реабилитации репрессированных народов». Но ингушские депутаты несправедливо оценивают действия Александра Засохова, как главы Северной Осетии, о его реакции на не принесение извинений членами семей, чьи представители совершили злодейское покушение на детей, учителей и родителей СШ № 1 г. Беслана. Неважно, террористы к какой принадлежали национальности. Здесь обычаи горских народов нарушены вдвойне. Возможно, что боевики не предполагали такой трагической развязки. Когда-нибудь правда всплывет на поверхность, но безвинным жертвам это уже не поможет. А, родственникам сегодня, сострадание и осуждение убийц облегчило бы бремя тяжести. Тогда родители погибших и пострадавших, осетинская общественность действительно приздумалась бы о необходимости диалога между двумя народами по преодолению основного конфликта. Что касается июньских событий в Ингушетии и гибели множества милиционеров и военнослужащих, как результат военного единоборства, то этот случай нельзя ставить в ряд с трагедией Беслана. В «Декларации о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов» от 14 декабря 1974 г. провозглашается: «1. Нападения на гражданское население и бомбардировка его, причиняющие неисчислимы страдания, особенно женщинам и детям, которые составляют наиболее уязвимую часть населения, запрещаются, и такие действия подлежат осуждению». (См. Документы ООН. Резолюция 3318 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г.). Таким образом, преступления в Беслане подпадают под юрисдикцию международного суда.

Следует заметить, что в наши дни активно подключился в реализации плана по урегулированию осетино-ингушского конфликта в части возвращения беженцев в свои дома полпред президента РФ в Южном Федеральном округе Дмитрию Козак и его аппарат с участием представителей правительств Северной Осетии и Ингушетии. Как заявил Президент Ингушетии Мурат Зязиков: «Есть надежда, что работа по возвращению вынужденных переселенцев в места постоянного проживания будет активизирована» (См. <http://ossetia.ru/news/oss-ing-kozak>, 4 мая 2005 года).

Парадокс этнической судьбы и межнациональных отношений проявился в том, что при Советской власти в 1924 году одновременно возникли Северо-Осетинская и Ингушская автономные области в составе РСФСР с единым центром во Владикавказе, как своего рода «двойня». Этому событию радовались вместе, помогали друг другу в становлении их национальной государственности. В 1934 году Ингушетия объединилась с Чечней, а в 1936 году

Северная Осетия стала автономной республикой, и в то время между ними фактически не было территориальных споров. Две братские автономные республики соседствовали и дружили. С другими братскими народами совместно строили новую жизнь и укрепляли межэтнические связи. Когда началась Великая Отечественная война, представители всех советских народов героически сражались в рядах Красной Армии и в партизанских отрядах. Они обеспечили оборону Кавказа и изгнание фашистских агессоров.

Следует еще раз подчеркнуть, что осетино-ингушский конфликт, который зашел вне пределов земельных споров скоро не погаснет, пока не будет выполняться требования ст. 6-й Закона «О реабилитации репрессированных народов», где закреплено: «**Территориальная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление на основе их волеизъявления правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения**». Однако, осетинская сторона по-прежнему упорно отказывается от обсуждения главной причины конфликта – **территориального вопроса**. Так, когда 4 апреля 2005 года ингушские депутаты обратились к федеральным властям с просьбой «определить границы их республики», а 6 апреля полпред президента в Южном федеральном округе Д. Козак пригласил руководителей Осетии и Ингушетии, то разговор о территориях не получился. Участник встречи министр по делам национальностей Северной Осетии Т. Касаев заявил: «**Вопроса административных границ для нас не существует. У Северной Осетии ни к кому нет территориальных претензий, границы республики закреплены действующей конституцией России и федеральным законодательством. Рассмотрения вопроса о переделе границ не было и быть не могло**». (См. <http://www.yfo.ru/rubs/rub=3&art=932>, 08 апреля 2005). Вот, когда пригодилась «конституционность», а «анти конституционность» возникновения территориального конфликта осетинский министр с легкостью отменяет. Но, только не зрячий не видит картины разрушений и глухой не слышит стон страданий с обеих сторон. Бесконечно не может и не должен продолжаться осетино-ингушский конфликт. Он был предвестником чеченского, который стал сегодня его детонатором. Трагедия Беслана его продолжение. Кто этого не понимает или не желает понять, тот способствует дальнейшему развитию трагедии под благовидным прикрытием «конституционности» завладения осетинами ингушской территорией, которая была закреплена за ними еще Конституцией СССР в рамках их советской национально-территориальной государственности (1924-1944 гг.).

Для прозрачности объяснения истока территориального спора о Пригородном районе воспользуемся данными Александра Дзадзиева, канд. ист. наук, доц., ст. научного сотрудника отдела этнополитических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН: «До конца XIX

века на этих землях жили аланы (предки современных осетин), с конца XVII – начала XVIII веков и до 1860-х годов – ингуши, затем до 1922 года – казаки, 1934 год – эта территория Ингушской автономной области (до 1924 г. – Ингушский национальный округ в составе Горской АССР), с 1934-го Чечено-Ингушской автономной области (с 1936-го по 1944 г. – автономная республика). По данным Всесоюзной переписи населения 1939 года, в Пригородном районе было 33,8 тыс. жителей, в том числе более 28,1 ингушей (33,6% всего ингушского населения республики), 3,5 тыс. русских, 0,4 тыс. чеченцев. На указанный период территория района составляла 977,5 кв.км. (34% всей территории пяти ингушских районов Чечено-Ингушетии). После депортации ингушей и чеченцев в 1944 году эти земли вместе с другими ингушскими районами упраздненной Чечено-Ингушетии включили в состав Северной Осетии.

После восстановления Чечено-Ингушской автономии (январь 1957 г.) значительная часть Пригородного района (742 кв. км.) осталась в Северной Осетии. В качестве «компенсации!» За невозвращенную территорию в Чечено-Ингушскую АССР тогда же включили Наурский, Шелковской и Каргалинский районы Ставропольского края, в результате чего восстановленная Чечено-Ингушская автономия увеличилась с 15,4 тыс. кв. км. В 1944 г. до 19,3 тыс. кв. км в 1957-м. Это, однако, не устраивало (да и не могло устраивать) ингушское население Чечено-Ингушетии, которое считала и считает, что от подобной «компенсации» выиграли лишь чеченцы, начавшие активно заселять три указанных района» (См. А. Дзадзиев. Осетино-ингушский конфликт: современное состояние проблемы. <http://www.ca-c.org/journal/rus-06-2003/11.dzaprimru.shtml>). Такова историческая реальность. Но факты основа для начала серьезного диалога.

А пока, на наш взгляд, осетино-ингушский конфликт будет продолжаться еще долгое время, отравляя жизнь и этнопсихологию братских народов, осложняя для новых поколений механизм и пути преодоления исторического межэтнического конфликта. *К сожалению, Федеральный центр сам создает сложные проблемы в этнической политике, а потом силиться решать их, когда ариаднина нить уже упущена: нет глубоко научного всестороннего осмысления возникшей ситуации и выбора, адекватных ей методов и способов преодоления кризиса, когда преобладает попытка силового решения, приносящие огромные материальные и людские потери.* Парадигму такого подхода к «Чеченскому вопросу» однажды вскрыл Президент РФ В. В. Путин, отвечая на вопрос: *«Как развеять негативный миф о чеченцах?»* резонно ответил: *«Чеченский народ ни в чем не виноват. Я думаю, что это вина Федерального центра, который в свое время бросил чеченский народ на произвол судьбы. Не будем искать конкретных виновников (выделено нами – Х. Т.), но ясно одно, что государственная машина России не сработала»* (Путин В. В. Президент Российской Федерации. Пресс-конференция в Кремле. «Советская Адыгея», 2002, 4 июля). Без обиняков Президент находит главных виновников трагедии чеченского народа – это похвально, но, отказ *«искать конкретных виновников»* разрушает верную версию. На наш взгляд, без выяснения и привлечения к государственной ответственности лиц, выбирающих тропу

войны там, где не только можно, но и нужно было решать внутренние межэтнические конфликты только путем переговоров, компромиссов и консенсуса нельзя оставлять виновников без наказания и не извлекать из этого уроки. Важнейшей этнополитической задачей Российского многонационального государства и всех его властных институтов является осторожное обращение к историческому прошлому. Еще долго будут сказываться исторические завалы прошлого, которые проявлялись в политике геноцида русского царизма против горских народов в долгой Русско-Кавказской войне и последствий его колониальной политики. Так же наследие двойственной роли советской политико-идеологической системы, обеспечившей образование СССР как могучего и сильного государства, в рамках которого было создано подлинное братство народов, ставшего важнейшим источником победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом, омраченной преступной анти конституционной политикой правящей верхушки по тотальной депортации некоторых народов надуманными обвинениями. Их отрицательные последствия сегодня мешают созданию нового общероссийского образа жизни, в котором не должно быть межэтнических противоречий и конфликтов, с одной стороны, и между Федеральным центром и российскими народами, с другой. А для этого: **«Мы должны избавиться сами и всех других избавиться от всякого национального чванства и великодержавного шовинизма. (Выделено нами – Х. Т.). Мы должны сделать так, чтобы любой представитель самой маленькой национальности чувствовал себя в России комфортно, как дома, и сказал бы: «Это моя страна, это мой дом, а мой дом – моя крепость»** (См. Путин В.В. Пресс-конференция...). Верные ключевые слова. Но для создания такого этнического и человеческого уюта нужно немедленно прекратить все военные действия внутри страны, объявив мораторий на применение всякого оружия в преодолении межэтнических, социально-политических и экономических конфликтов. Новый осетино-ингушский кровавый конфликт с неба не свалился, а прямое продолжение недалековидной этнической политики Федерального центра и субъектов, прежде всего в лице власть держащих.

Разрешение осетино-ингушского конфликта сегодня, безусловно, трудно и сложно. За более чем 60 лет со времени депортации ингушей и занятия осетинами их жилищ и исторической родины, новые поколения осетин, родившиеся там, воспитанные в духе «законных собственников», не могут смириться даже с постановкой территориального вопроса. **А придется. Другого пути нет. Нужно идти поэтапно к разрядке конфликта. Прежде всего – возвращение беженцев 1992 года, на что упор делает сегодня Федеральный центр. Это единственно правильный подход.** Постепенно преодолевать чувство личной и этнической обиды. Не считать, что в трагедии 1992 года виноваты только осетины или ингуши. Ибо и те и другие заговорили языком оружия вместо переговоров с участием представителей властей и посредников. Отвергли язык народной дипломатии. Сегодня Пригородный район многонациональный район и этот этнический фон необходимо использовать для пропаганды идеи единого российского гражданства и общей судьбы народов.

Таким образом, на наш взгляд, исходя из истории вопроса, сложности проблемы, современной сложившейся этнической ситуации в самом Пригородном районе и накала страстей, можно рекомендовать следующий ход разрядки напряженности и примирения, чтобы полностью преодолеть межэтнический конфликт и его последствия:

1. **Безотлагательно решить проблему возвращения беженцев 1992 года и позже**, в свои родные очаги, восстановить разрушенное. обеспечить жильем, возместить ущерб и решить проблему трудоустройства, провести соответствующую реабилитацию (в медицине, в образовании, в инфраструктуре, в этнической пропаганде и т.д.). Эти меры осуществлять за счет общероссийского фонда МЧС, с учетом природы происхождения конфликта и ответственности Федерального центра, взявшего на себя функции конституционного гаранта за жизнь всех россиян и народов. Срок – 2005 – 2010 гг.

2. **Продолжать поиски окончательного решения территориальной проблемы, как Пригородного района, так и других территорий** в рамках диалога, согласований, необходимых уступок друг другу, нахождения взаимно приемлемых подходов. Для чего: во-первых, Федеральному центру, по согласованию с заинтересованными субъектами безотлагательно определить территориальные границы Республики Ингушетия, за исключением спорного Пригородного района. При этом указав, что требования ингушского народа о восстановлении картографических границ, существовавших на момент антиконституционной депортации в 1944 году, не снимаются с повестки дня и будут продолжены обсуждения между осетинами и ингушами при посредничестве Федерального центра; во-вторых, учитывая изменения в инфраструктуре и демографии Пригородного района более чем за 60 лет депортации ингушского населения, возможен вариант «корректного возвращения» его Ингушетии. Приемлема уступка Осетии некоторой части территории, которая годами слилась с инфраструктурой Владикавказа и иных мест, по соседскому соглашению; в-третьих, в средствах массовой информации установить мораторий на проявления анти ингушской и анти осетинской пропаганды, на период разрешения территориального спора.

Эта статья плод многолетних исследований, наблюдений, размышлений, предложений автора по

осетино-ингушскому конфликту. Еще 1 ноября в 1993 году на 2-й Всероссийской научной конференции на тему «Репрессированные народы: история и современность» (г. Карачаевск) нами в докладе было заявлено: «У автора этих строк есть особая озабоченность по поводу конфликта между осетинами и ингушами как участника обороны Северной Осетии и Ингушетии в 1942 году. Это его гражданский долг. Та трагедия, которая разыгралась в конце октября – начале ноября 1992 года в Пригородном районе, зловещее предупреждение об отсутствии и через 50 лет гарантии замирения национальной обиды и несправедливости. И поэтому, осетины и ингуши одинаково должны осознать, что никакие российские военные силы в так называемый переходный период, став броней между ними не смогут их помирить, если сами к этому не придут. Нельзя согласиться с теми ингушами, которые привязывают к вопросу о Пригородном районе и еще часть Владикавказа, где находилась до 1934 г. временная столица Ингушетии. Реабилитация депортированных народов должна означать восстановление статус-кво, не более и не менее, а все остальное не может положить конец взаимным притязаниям».(См. Тугуз Х.И. Репрессированные народы: кардинальные пути их полной реабилитации. В кн.: Репрессированные народы: история и современность. Карачаевск, 1994, С. 54). Следовательно, наша позиция в оценке осетино-ингушского конфликта выверена временем, этнополитический осмыслена, всесторонне рассмотрена и достоверно обоснована.

В год 60-летия Великой Победы Советского народа в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.), как защитник Пригородного района и Владикавказа, как инвалид ВОВ, лечившийся в госпитале в г. Грозном(декабрь 1942 – январь 1943 гг.), автор этих строк, адыгеец по национальности, воевавший бок о бок с осетинами, ингушами и другими представителями советских народов, продолжает тяжело переживать трагедию фронтовых братьев – осетин и ингушей. От имени ветеранов и за тех, кто отдал свою жизнь в защиту Советской Родины и всего человечества от фашистского истребления, еще и еще раз призываю осетин и ингушей к осознанию необходимости справедливого и неотлагательного урегулирования территориального конфликта – главного препятствия на пути восстановления дружбы и братства двух героических горских народов. Другого не дано.